

ГОРОДСКАЯ ИНФРАСТРУКТУРА ЗАБОТЫ О ДЕТЯХ: РЕАЛЬНЫЕ И ИДЕАЛЬНЫЕ ПРОСТРАНСТВА*

Статья посвящена анализу восприятия матерями из среднего класса городского пространства Санкт-Петербурга. Предполагается, что организация городской среды (прогулочные и игровые детские площадки, места досуга, транспортная доступность городских объектов, наличие пандусов, съездов для колясок и т.п.) в большой степени определяет повседневные возможности и стиль жизни горожан с детьми. Городское пространство выступает объектом городской и муниципальной политики по благоустройству территорий, транспортной, культурной политики, политики по сохранению культурного наследия. Одновременно город является предметом повседневной практической адаптации, переопределения смыслов пространства и борьбы за пространство горожан, стремящихся сделать городскую инфраструктуру отвечающей их потребностям и вкусам. В теоретическом плане статья опирается на социологию повседневности, работы в рамках гендерного анализа семейной политики и работы по социологии города. На материалах эмпирического исследования (анализ интервью с матерями и официальных документов) автором показана специфика действий и смыслов акторов, участвующих в формировании городской среды: государства, рынка и родителей; проанализированы оценки родителей из среднего класса различных инициатив городских властей и бизнеса. В статье обсуждаются вопросы, связанные с вкладом городской политики и пространственной инфраструктуры для семейной политики, в частности политики баланса семьи и работы. Карьерно-ориентированные матери критически относятся к организации пространства Санкт-Петербурга, они видят в нем потенциал для увеличения своих жизненных возможностей, минимизации «издержек материнства». Для таких женщин рождение ребенка связано с резким изменением образа жизни и перерывом в карьере. Поэтому политика развития инфраструктуры дружественной семье позволила бы совмещать работу с материнством, а также посещать публичные пространства.

Ключевые слова: город, публичное пространство, семейная политика, детство, средний класс.

* В статье использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 14-05-0051 «Семья как объект/субъект консервативной мобилизации» при поддержке программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014 г.

Шпаковская Лариса Леонидовна — кандидат социологических наук, доцент департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург (lshpakovskaya@hse.ru).

Shpakovskaya Larisa — Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Sociology, National Research University «Higher School of Economics», St. Petersburg (lshpakovskaya@hse.ru).

Политика благоустройства города может рассматриваться как часть социальной и семейной политики в широком смысле. Российская семейная политика начиная с середины 2000-х годов носила пронаталистский характер и была ориентирована на стимулирование граждан к рождению большего числа детей. Аналитики отмечают, что она носит традиционалистский характер и рассматривает женщин в качестве основного субъекта заботы о детях (Чернова 2010; Rivkin-Fish 2010; Бороздина, Здравомыслова, Темкина 2012). При этом большинство мер современной семейной политики носит монетарный характер, имеет форму различных пособий и выплат. С точки зрения гендерно-ориентированных исследователей российская семейная политика слабо учитывала успешный опыт других стран с пронаталистки ориентированной семейной политикой. Этот опыт связан со стимулированием вовлечения мужчин в родительские практики в качестве активных участников заботы о детях, политикой баланса семьи и работы, позволяющей женщинам и мужчинам эффективно совмещать родительские обязанности с профессиональной занятостью. Политика баланса также включает развитие гибкой и частичной занятости, пространственной инфраструктуры, облегчающей возможности передвижения и доступа в публичные пространства (Чернова 2012(a); Рождественская 2011; Lewis 2009). Исследователи подчеркивают, что российская семейная политика проявляла слабую чувствительность к проблемам баланса семейных и профессиональных ролей, с которыми сталкиваются все родители, занятые в сфере оплачиваемого труда (Бороздина, Здравомыслова, Темкина 2012: 115). Статья предполагает рассмотрение политики городского благоустройства с точки зрения возможностей ее вклада в политику баланса семьи и работы.

При анализе семейной политики, или, в более широком смысле, социальной политики, исследователи предлагают рассматривать взаимодействие акторов трех типов: государства, рынка и семьи (граждан с семейными обязанностями) (Esping-Andersen 1990; Daly, Rake 2003; Duncan, Edwards 1999; Gauthier 1996; Lewis 2007; Poole 2001; Sainsbury 1996). Они полагают, что конфигурация поддержек, предоставляемых каждым типом акторов, составляют специфику семейной и социальной политики в каждой отдельно взятой стране. Политика в отношении семьи не только включает в себя набор мер и «пономочий» акторов, но и ориентирована на поддержку определенного типа гендерных и семейных отношений, например поддерживает традиционную семью с мужчиной кормильцем и женщиной домохозяйкой или ориентирована на эгалитарные семейные отношения, учитывает разнообразие типов семьи, включая родителей-одиночек или расширенные семьи (Чернова 2008: 101). Можно предположить, что применительно к проблематике городского пространства государство, рынок и семья имеют различное видение его в качестве социальной инфраструктуры заботы о детях, а их действия задают особую конфигурацию этой пространственной инфраструктуры, учитывающей и поддерживающей тот или иной тип семьи.

В статье рассматриваются городские публичные пространства детства. К публичным относятся открытые пространства, характеризующиеся отсутствием барьеров для доступа посетителей, возможностью совместного использования их множеством людей (Whyte 2001: 15). К публичным можно отнести про-

странства трех типов (Marcuse 2013). Во-первых, открытые пространства, доступные для всех, где люди могут общаться, отдыхать, гулять, заниматься спортом и пр. (например, городские парки). Во-вторых, пространства, используемые для передвижения, — улицы, тротуары, дороги, общественный транспорт. В-третьих, так называемые «третьи места» (Ольденбург 2014: 57–58), т.е. фактически полупубличные пространства, поскольку у них есть владельцы, но они открыты для всех и могут использоваться для социального общения, как и другие публичные пространства (кафе, торговые центры, магазины). В городских публичных пространствах сталкиваются, взаимодействуют и соприкасаются незнакомые между собой люди.

Потребности детей и их родителей значимо различаются в зависимости от возраста. Мы рассмотрим специфику восприятия городского пространства родителями детей дошкольников. Дети этого возраста в силу своих объективных возрастных возможностей и культурных представлений считаются несамостоятельными, не способными передвигаться по городу без сопровождения взрослых, нуждающимися в присмотре и опеке с их стороны. Возрастные особенности задают специфику требований к городскому пространству, которые предъявляют родители или другие социальные акторы, участвующие в формировании городской среды с учетом различных категорий граждан (бизнес-структуры, государство).

При анализе восприятия родителями городского публичного пространства мы ставим перед собой следующие вопросы: 1. Как родители воспринимают городское пространство? Какие действия они осуществляют при взаимодействии с городской средой? 2. Какие действия предпринимают другие акторы городской политики детства: государство и рынок? Какой смысл они приписывают городским пространствам детства?

Работающие матери из среднего класса как объект исследования: описание выборки

Статья написана на материалах нескольких проектов, посвященных проблемам семьи, родительства и организации заботы. Проекты были проведены в Санкт-Петербурге в период 2011–2013 гг.* Все респондентки — представитель-

* При подготовке статьи были использованы следующие материалы:

1) пять фокусированных интервью с матерями детей в возрасте до 10 лет, имевшими опыт проживания вместе со своими детьми за границей. Выборка строилась таким образом, чтобы учесть опыт респонденток, побывавших как в мегаполисах, так и в небольших городах или пригородах. Респондентки проживали в Нью-Йорке, Берлине, Амстердаме, Хельсинки, Женеве и их пригородах. Помимо вопросов, связанных с организацией заботы о детях в семьях респонденток, в интервью подробно обсуждались проблемы доступности городской среды Санкт-Петербурга, а также восприятия городского пространства в контексте опыта проживания за границей;

2) пять фокусированных интервью с депутатами муниципальных округов Санкт-Петербурга. Интервью были посвящены специфике реализации политики благоустройства городских территорий. В выборку попали представители как муниципальных объединений, расположенных в центре города, так и объединений, находящихся на периферии в спальных районах. Фокусированные интервью

ницы городского среднего класса. Для этой группы характерны рефлексивные, рациональные и приватизированные установки в отношении как семьи, так и карьеры (Левинсон 2008: 59; Чернова 2012б: 120). Представители этого слоя располагают различными ресурсами, определяющими их высокие шансы на рынке труда и высокие жизненные шансы. Эти ресурсы связаны с образованием (высшее образование, востребованное на рынке труда, знания, позволяющие эффективно искать необходимую информацию), социальным капиталом (связи, родственные отношения, дающие доступ к ресурсам и информации, а также участие в различных реальных и виртуальных сообществах), собственностью (наличие собственного жилья или жилья, полученного по наследству) (Шпаковская 2012: 312). Участницы исследования, ставшие основными информантками, находились в странах Западной Европы или США для учебы, профессиональной стажировки или работы. Период проживания составил от трех месяцев до четырех лет. Предполагалось, что обращение к респондентам, проживавшим определенный период за границей, позволит получить рефлексивные суждения относительно пространственных практик родителей в Санкт-Петербурге.

Респондентки данного типа имеют большой профессиональный опыт, ориентированы на карьеру и совмещают материнство с профессиональной занятостью. Они заняты в областях IT, менеджмента, искусства и науки, строят свою карьеру не только на российском, но и на международном рынке труда и имеют опыт учебы, профессиональной стажировки или работы за границей. Кроме того, все они являются активными путешественниками и неоднократно посещали страны Восточной Европы и/или США в качестве туристов.

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что данный тип респондентов представляет достаточно узкую группу в России. По данным российских исследований, средний класс, понимаемый как совокупность людей, занимающих профессиональные позиции, предполагающие высокий уровень образования и человеческого капитала (руководители, специалисты, предприниматели),

с депутатами дали возможность проанализировать и описать процессы реализации городской политики благоустройства, контекстуализировать данные, полученные из интервью с родителями;

3) фокусированные интервью с родителями — активистами родительских сообществ: родительских НКО, неформальных клубов по интересам (20 интервью). Интервью с активистами были посвящены актуальной повестке дня родительства в большом городе, проблемам, с которыми сталкиваются современные родители, а также возможным путям решения этих проблем;

4) лейтмотивные интервью с матерями, имеющими детей в возрасте до 12 лет. Респонденток этого типа можно отнести к среднему классу, однако они не имели опыта проживания за границей, не являются активистками родительски сообществ. В данных интервью не задавались вопросы о восприятии городского пространства. Интервью были полностью посвящены вопросам организации заботы и воспитания детей (15 интервью).

В целом в исследовании было использовано 45 интервью. Кроме того, для анализа рассматриваемой проблематики были привлечены релевантные официальные материалы: законодательство, распоряжения правительства, программные документы, отчеты о реализации программ.

составляет до 40 % российского общества (Тихонова 2014: 345), при этом те, кто выезжают за границу, составляют ограниченную часть российского общества. Например, только около 17 % россиян когда-либо выезжали за границу (Левада-центр 2010), а в 2012 г. только 4 % граждан провели ежегодный оплачиваемый отпуск за границей в странах дальнего зарубежья (ФОМ 2012). При этом, по данным ГКС, туристические поездки и частные визиты за границу составляют основную массу зарубежных поездок. Служебные поездки и командировки составляли только 2 % всех поездок в 2013 г. (ГКС 2014).

Несмотря на то что основные респондентки исследования представляют достаточно узкий слой российского общества, необходимо отметить, что сходные категории и темы, связанные с восприятием городского пространства, возникали и в интервью с матерями, которые не имели опыта длительного проживания за границей или даже не были там никогда. Можно предположить, что все респонденты, принявшие участие в исследовании, разделяют и актуализируют в процессе разговора сходные смысловые коды, характерные для среднего класса как определенной культурной общности, а также для жителей крупного города, сталкивающихся ежедневно со сходным кругом проблем. Вместе с тем результаты статьи представляют точку зрения на город специфической группы — женщин, имеющих маленьких детей. Безусловно, их взгляд на проблемы городской инфраструктуры, продиктованный их специфическими потребностями, может отличаться от взглядов и потребностей представителей других социальных группы, например подростков, инвалидов, пенсионеров.

Идеал социальной заботы в городском пространстве

Матери, даже если им специально не были заданы вопросы об опыте путешествий или проживания за границей с детьми, говорят о том, как должен быть устроен город для того, чтобы быть удобным для них и их детей. Такой идеал часто обозначается респондентами собирательным словом «Запад». В одних интервью Запад — это абстрактное понятие, не имеющее конкретного географического наполнения. В других оно связано с рассказом об опыте проживания в конкретной стране. Но и в том и другом случае это не реальное место быденного и повседневного опыта. Это также и не просто разрыв повседневности, связанный с путешествием, предполагающим смену будней, опытом восприятия необычного, любопытного, познавательного, праздничного. Запад предстает как утопия, т.е. идеальное место, смысл которого связан с тем, «как должно быть». Нарративы о Западе представлены в интервью как рассказы о том, как должна быть организована инфраструктура социальной заботы о детях.

Опыт восприятия жизни «на Западе» представлен в интервью отдельными деталями повседневности без обсуждения организации всей социальной инфраструктуры родительства и детства в какой-либо конкретной стране. Респондентки, имеющие опыт проживания за границей или опыт заграничных путешествий, говорят о том, что их «поразило» и «удивило». Они сравнивают «здесь», «у нас» (в России, Санкт-Петербурге) и «там», «у них» (в странах Западной Европы и США). Как правило, отмечается большее присутствие детей в городском пространстве: на улицах, в общественном транспорте, музеях, библиотеках. Респондентки говорят о том, что городская инфраструктура учиты-

вает разнообразие потребностей детей и родителей. Городское пространство «там» представлено как проницаемое и легкодоступное для взрослых с детьми, что позволяет совмещать работу и материнство, а также отдых/досуг и материнство. Следующий отрывок из интервью представляет рассказ об идеальном городском пространстве заботы о детях.

Это очень такое дружелюбное пространство для детей. И с точки зрения организации площадок, и с точки зрения отношения к детям. Дети там — полноценные участники сообщества, и это видно. И в транспорте это видно, и по наличию музеев это видно, по наличию детских программ в музеях. Везде есть возможность бы- вать... т.е. куда бы ты ни поехал, всегда есть возможность проехать, всегда там будут везде какие-нибудь пеленальные столики и какие-нибудь специальные дивай- сы, предполагающие, чтобы чаду было удобно <...> в той же Голландии все прекрасно понимают, что если есть желание работать, то можно работать и с ребенком. Поэтому все там и таскают... и в Америке то же самое. Младенцев с первых там дней начинают брать с собой, куда бы ни поехали. Я сколько раз видела, сидя в библи- отеке в Калифорнийском университете, дети играют на полу, родители там сидят, что-то готовятся (Варвара, преподаватель вуза, 37 лет, двое детей).

Участницы исследования, которые провели за границей длительный пери- од времени, замечают «недостатки» социальной и городской инфраструктуры материнства и детства. В частности, говорится о преимуществах российской социальной политики, связанных с наличием законодательно оформленного продолжительного отпуска по уходу за ребенком, о преимуществах российской системы дешевых и доступных детских садов, в которых осуществляется при- смотр за детьми в течение всего рабочего дня, организуется соответствующее питание и развитие детей.

Рефлексия родителей Санкт-Петербурга по поводу инфраструктуры городского пространства

В противоположность утопическому представлению о Западе городское пространство представлено в интервью как непроницаемое, плохо доступное и даже опасное.

Респондентки отмечают, что тротуары, жилые дома, торговые центры, го- сударственные учреждения, общественный транспорт представляют собой барьеры для передвижения с детской коляской или с ребенком на руках. Мате- ри определяют как барьеры мобильности крутые лестницы, поребрики, отсут- ствие съездов, пандусов и лифтов. Сложности передвижения в городском про- странстве усиливаются плохими погодными условиями.

Когда было две зимы очень снежных, коляску невозможно через эти дорожки провести. Это нереально. То есть я ее толкаю, она не толкается. То есть ты сам- то не знаешь как... а уж с коляской. С этими поребриками, вот эти 20–30 минут хода по центру [парка], это превращается в пытку. <...> А поребрики, поребри- ки... сколько это будет высота? <...> 30–40 сантиметров, это стандартная вы- сота поребрика, который возле дороги, в центре города. Чтобы машины не заезжа- ли на тротуары. Есть разные, есть и меньше, но в основном 30–40, и вот как-то надо коляску с него скатить. У нас нет съездов для колясок. Их принципиально не существует. Это старые все бордюры и они для этого не созданы <...> И получа-

ется, что [прогулка с детской коляской] это пересечение препятствий с бордюрами, с ветрами и снегом (Инна, домохозяйка, 39 лет, двое детей).

Аналогично многие городские пространства, такие как магазины, музеи, библиотеки, недоступны для родителей с детьми, что становится особенно болезненно для матерей, стремящихся к совмещению родительства с культурным досугом, потреблением или карьерой.

Буквально вчера... или на днях, гуляли по супермаркету, который у нас здесь находится достаточно близко. Удивлялись, что среди опознавательных значков, которые объясняют наглядно, что нельзя делать в магазине. Допустим, там нельзя с мороженым, нельзя на роликах, нельзя еще что-то. Там была изображена коляска, тоже перечеркнутая. А кто вообще, собственно, должен ходить по магазинам, если там вообще нельзя с колясками?! <...> Например, мне нужно заказать книги в Публичке. Я знаю, что меня с ребенком не пустят. То же самое в архив, допустим, он там порвет, еще что-нибудь сделает... Что ребенок может сделать в этом госучреждении? Я не знаю <...> Мы попали в Русский музей, там была своя выставка. И я помню какое-то необоснованное, на мой взгляд, внимание ко мне и сыну со стороны смотрящих этих бабушек, которые без конца волновались за эти гипсовые головы или даже не гипсовые, а гранитные головы, там, Ленина и Сталина. Выставка как раз про соцреализм. Без конца шикали: «Держите его за руку, держите его за руку!» Ходили за ним с трясущимися пальцами, ужас, конечно (Анна, научный сотрудник, 36 лет, двое детей).

Городское пространство воспринимается как опасное из-за большого скопления людей. Респондентки опасаются общественного транспорта, людных улиц и популярных детских площадок из-за инфекций и эпидемий, которые, по их мнению, неизбежны в местах большой концентрации людей. Обычный городской воздух сам по себе представляет опасность, так как наполнен выхлопными газами автомобилей и атмосферными выбросами городской промышленности.

Перед лицом недружественной городской инфраструктуры матери ощущают себя «загнанными» в приватное пространство, говорят о чувстве изоляции и одиночества. Респондентки, интервью с которыми используются в исследовании, — образованные горожанки, ориентированные на карьеру и культурное потребление. Материнство для них связано с резким изменением повседневности: *Когда ты рождаешь ребенка, ты попадаешь в некий социальный вакуум* (Светлана, 33 года, организатор сообщества «Мама-клуб»). Кроме того, карьерно ориентированные женщины, имеющие опыт гендерного равенства в публичной и приватной сферах, неожиданно обнаруживают себя запертыми внутри традиционных гендерных ролей (Чернова 2012б: 125).

Молодые матери стремятся сохранить тот образ жизни, который они вели до рождения ребенка. Они говорят о необходимости для них посещения публичных пространств: кафе, музеев, театров, встреч с друзьями и другими матерями. Для других респонденток перемещение по городу становится необходимостью, связанной с организацией заботы, например посещением детских врачей, детских дошкольных образовательных учреждений, бассейнов, кружков. При этом представительницы городского образованного среднего класса имеют высокие образовательные притязания для своих детей, ориентированы на потреб-

ление платных медицинских услуг (Гладарев, Цинман 2009: 193), стремятся делать выборы медицинских и образовательных сервисов (Чернова, Шпаковская 2011: 90), отказываясь от услуг по месту жительства. Они готовы преодолевать значительные расстояния для того, чтобы реализовать свой выбор. Для многих из них рефлексия о потребностях своего ребенка, знание рынка медицинских и образовательных услуг, умение ориентироваться на нем, искать необходимую информацию и находить те услуги, которые наиболее отвечают их собственным запросам и потребностям их детей, составляю важную часть социальной компетентности. Такая компетентность выступает элемент конструирования социальной позиции и идентичности российского среднего класса, стратегии социального различения.

Карьерно-ориентированные респондентки разделяют идеал пространственной мобильности. Они подходят к городскому пространству тактически. Такими тактиками повышения мобильности выступают различные «житейские хитрости» преодоления пространства. Например, респондентки говорят о том, что они пользуются слингами для переноски маленьких детей. Примечательно, что в отличие от разделяемой западными матерями идеологии слингоношения, которая связана прежде всего с установлением близких телесных и эмоциональных отношений между матерью и ребенком (Сирс, Сирс 2007), участницы данного исследования подчеркивают «практичность» слинга с точки зрения удобства преодоления пространственных барьеров, пользования общественным транспортом и т.п. Матери также говорят о ноу-хау обращения с детскими колясками, особых техниках, которыми молодые матери делятся друг с другом, позволяющими преодолевать лестницы, поребрики, неровности тротуаров. Житейские хитрости обсуждаются на родительских форумах, где родители совместно экспертируют товары (Чернова, Шпаковская 2011: 92) и делятся опытом о том, какие модели колясок оказываются наиболее пригодными для преодоления городского пространства. Важным способом преодоления городских барьеров пространственной мобильности для среднего класса считается автомобиль. Респондентки говорят о том, что приобрели автомобиль непосредственно перед или после рождения ребенка и сделали это исключительно для того, чтобы иметь возможность свободно передвигаться по городу вместе с ребенком.

Во многом идея мобильности матерей связана с тем идеальным видением организации инфраструктуры заботы, которое женщины описывают, когда говорят о своем опыте путешествий, работы или учебы за границей. Исследователи обращают внимание на то, что политика поддержки семьи и детства тесно связана с идеальными представлениями граждан и официалов о том, какой должна быть «хорошая» забота (Kremer 2006: 261). Можно предположить, что городская политика благоустройства также воплощает идеалы организации заботы, разделяемые горожанами и чиновниками, ответственными за выработку политического курса.

Государство как актор преобразования городской инфраструктуры: город, доброжелательный к детям

Городская политика благоустройства является агентом формирования городского пространства. Социология повседневности представляет городское

пространство как структуру, которая организует, создает или ограничивает способы передвижения в пространстве. Пространственный порядок задает набор возможностей, например предлагая места и направления, в которых можно двигаться или задавая барьеры для передвижения (Де Серто 2013: 194). Мишель Фуко указывает на то, что организация пространства представляет собой технику власти, связанную не только с определением репертуара возможных действий тех, кто находится в этом пространстве, но и с контролем над их поведением (Фуко 2006: 231). С этой точки зрения, город — это дисциплинарное пространство, а пространственные практики — способ манипулирования им (Де Серто 2013: 194). В этом смысле организация городского пространства задает не только возможности передвижения родителей с детьми, но и возможности и практики организации заботы о детях.

Потребности детей и их родителей выступали «слепым пятном» городской политики в советский период. Пространственная политика детства подразумевала сегрегацию детства и помещение его в специализированные институты государственной заботы. Институтами заботы о детях в городе выступали ясли, детские сады, школы, спортивные секции, поликлиники и больницы, расположение которых обычно было задано принципом территориальной близости по месту проживания. Иначе говоря, дети в течение дня находились в специализированных учреждениях, связанных с дисциплиной, воспитанием, образованием или лечением, которые осуществлялись специалистами. Пространства относительной детской автономии представляли городские дворы, в которых дети могли гулять, часто самостоятельно и без пристального контроля взрослых.

Институциональная сегрегация детства соответствовала политическому концепту советской городской семьи, реализация которого на практике описана исследователями как гендерный контракт работающей матери (Айвазова 2001; Роткирх, Темкина 2002). Последний подразумевал совмещение женщинами материнских обязанностей и деятельности в сфере общественного производства. При этом государство брало на себя задачи по присмотру и уходу за детьми, создавая сеть яслей, детских садов, лагерей летнего отдыха.

Государственные детские учреждения сохранили прежние основные принципы организации заботы до наших дней. Забота в них осуществляется профессионалами на основе экспертного знания в соответствии с требованиями дисциплины и гигиены. Кроме того, дети в них находятся отдельно от родителей, и возможности контроля родителями условий пребывания в них детей ограничены. Такие пространства воспринимаются родителями из среднего класса критически: как неудобные, непривлекательные, не отвечающие потребностям детей и родителей. Например, государственные поликлиники подвергаются критике со стороны родителей за отсутствие в них лифтов, мест для хранения колясок, пеленальных столиков в туалетах, игровых пространств и игрушек для детей, ожидающих приема врача, и т.п. Они не отвечают вкусам, эстетическим и потребительским предпочтениям родителей среднего класса. Их называют «казенными», «унылыми», «убогими», «неудобными» и даже «опасными». Родители из среднего класса ориентированы на участие в организации институциональных форм заботы о детях, сотрудничество и контроль над работой экспертов — врачей, педагогов и воспитателей.

Политическая концепция семьи существенно изменилась в постсоветское время. Неоднократно официально высказывались призывы о «возвращении женщин в семью» (Rivkin-Fish 2010: 709) и необходимости реставрации «традиционной» семьи с мужчиной-кормильцем и женщиной — матерью и домохозяйкой. Забота о детях в политическом дискурсе начинает рассматриваться как сфера ответственности семьи и прежде всего матери. Во второй половине 2000-х годов семейная политика приобретает пронаталистский характер (Чернова 2010: 29). Государственные меры предлагают различные монетарные выплаты и пособия семьям и матерям в качестве инструментов стимуляции рождаемости. Вместе с тем на официальном уровне декларируется политика баланса семьи и работы, связанная с развитием форм гибкой и частичной занятости, пространственной инфраструктуры, облегчающей возможности передвижения и доступа в публичные пространства (Чернова 2012а: 300; Рождественская 2011: 450).

В направлении реформирования городской инфраструктуры, отвечающей перечисленным выше изменениям политического концепта семьи, в Санкт-Петербурге был предпринят ряд инициатив. В частности, в 2007 г. правительство Санкт-Петербурга приняло постановление о присоединении к программе действий «Город, доброжелательный к детям» (ГДД), разработанной UNICEF. Программа предлагала набор мер для органов власти на местах, способствующих реализации Конвенции ООН о правах ребенка. Одной из целей ГДД выступает создание городской среды, в которой дети (в возрасте до 18 лет) могли бы свободно перемещаться, встречаться с друзьями, участвовать в культурной жизни города (UNICEF 2010: 2). Правительство Санкт-Петербурга дополнило данные цели пронаталистскими идеями об укреплении семьи и пропагандой семейных ценностей. В рамках программы ГДД в Санкт-Петербурге прошли муниципальные и городские массовые праздники, были организованы районные Центры социальной помощи семье и детям, увеличен размер пособий для матерей и детей, предприняты шаги для улучшения городской инфраструктуры с точки зрения ее доступности для детей и лиц «с ограниченными возможностями» (Доклад 2009).

Муниципальные чиновники, принявшие участие в исследовании, ничего не знали о существовании программы. Судя по публикациям в Интернете, фактическая реализация программы была свернута после 2009 г. Некоторые принципы ГДД были включены в Концепцию семейной политики Санкт-Петербурга на 2012–2020 гг.

Концепция в качестве одной из целей выдвигает «формирование безопасной городской среды, благоприятной для роста и развития детей» (Концепция семейной политики в Санкт-Петербурге на 2012–2020 гг.: 20). Городскими чиновниками предполагается, что повышение уровня комфортности городской среды и доступности объектов социальной инфраструктуры, строительство детских площадок будет способствовать повышению уровня жизни и здоровья горожан, учету многообразия потребностей жителей города. Концепция сопоставляет меры по улучшению пространственной инфраструктуры с идеями политики баланса, поддержки детско-родительских отношений, ответственного родительства и включенности отца в воспитание детей (Там же: 20). Таким об-

разом, политика государства на городском уровне ориентируется на концепт ответственной за заботу и благополучие детей полной семьи, где основные функции заботы выполняет женщина, совмещающая материнство с родительскими обязанностями. Декларируется вовлечение отца в заботу о детях. Такой идеал семьи предполагает создание городской инфраструктуры для перемещения родителей с детьми в пространстве и совместного проведения семьей свободного времени.

Значительная доля полномочий по реализации городских программных документов возложена на органы местного самоуправления. В соответствии с законодательством муниципальные объединения Санкт-Петербурга помимо решения вопросов, связанных с опекой и попечительством, организации культуры и досуга жителей, мероприятий, осуществляют деятельность, связанную с благоустройством территории. Депутаты — участники исследования отмечают, что данное направление является для них одним из приоритетных. При этом муниципалитеты отвечают за благоустройство дворовых территорий, в то время как содержание улиц и парков является зоной ответственности городской и районной администрации. В рамках благоустройства территории муниципалитеты устанавливают и модернизируют детские площадки, спортивные тренажерные площадки, обустраивают места сбора мусора, благоустраивают дворы, проводят озеленительные работы. Строительство детских площадок видится депутатам важным направлением деятельности, поскольку оно способствует пропаганде семейного образа жизни и семейных ценностей, что является не только их личным приоритетом, но и приоритетом политики на городском уровне.

Таким образом, на декларативном уровне городская политика в отношении формирования городского пространства с советского времени ориентируется на модель семьи, полностью ответственной за воспитание детей, где родители совмещают заботу и работу. В связи с этим ее основной целью становится создание городской инфраструктуры, сопутствующей совмещению родительских и профессиональных ролей: доступность улиц, городского транспорта, зон отдыха и досуга для родителей с детьми. На уровне реализации городской политики основные меры оказались сосредоточены в направлении строительства детских площадок и общего благоустройства дворов и улиц.

Государство vs рынок: акторы, пространства и идеалы заботы

Нараду с государственными пространствами появляются пространства, создаваемые рынком. В постсоветское время происходит быстрое развитие рынка услуг, связанных с организацией проведения свободного времени и потреблением, — кафе, рестораны, шоппинг-центры, парки аттракционов и т.п. В жизни горожан возросшее значение приобретает досуг. Отдых становится преимущественно коммерциализированной практикой, связанной с потреблением. Американская исследовательница Эва Иллоуз наблюдает процессы коммерциализации любви в американском обществе в начале XX в. как досуговой практики, связанной с потреблением и осуществляющейся в публичных пространствах кафе, кинотеатров и танцевальных залов (Ilowz 1997: 55). Можно сказать, что подобные процессы происходят в российском обществе в области семейной жизни в начале XXI в. Совместная жизнь семьи становится

организованной вокруг досуга. Забота совмещается с досугом и потреблением и перемещается в рестораны, кафе, фитнес-центры, магазины, торговые центры. Агентом создания таких публичных пространств семейной жизни выступает рынок. Для коммерческих заведений вовлечение детей и их родителей в сферу потребления является маркетинговой стратегией, направленной на увеличение прибыли. Технологии превращения детей и их родителей в потребителей приносят международные транснациональные компании, например Макдоналдс, Икея, рестораны и магазины, ориентированные на обеспеченных потребителей среднего класса и копирующие западные образцы обслуживания клиентов.

Респонденты говорят о том, что «рыночные» места используются ими не просто «по назначению», например для еды или шоппинга, но выступают местами совместного проведения времени членов семьи, родителей и детей. Торговые центры и кафе, оборудованные игровыми площадками и комнатами, детскими стульчиками для кормления и предлагающие «детское меню», становятся местами встреч и совместного проведения времени для родителей. Например, здесь встречаются участницы виртуальных родительских форумов для того, чтобы совместно отмечать дни рождения детей, родившихся в одном месяце, или матери «особых» детей, для того чтобы обсудить общие проблемы. Здесь проходят «слинговстречи», во время которых матери обмениваются опытом ношения слингов.

Такие места компенсируют замкнутость частного пространства дома, в котором матери, находящиеся в фазе активного материнства, постоянно погружены в рутинные, связанные с заботой о детях и ведением домашнего хозяйства действия. Респондентки жалуются на одиночество, однообразие жизни и отсутствие общения: *Это нужно мамочкам, которым надоело сидеть дома, которым хочется куда-то сходить, себя показать, людей посмотреть* (Маргарита, домохозяйка, 32 года, участница сообщества слинго-мам).

«Рыночные» места ориентируются не на принципы пространственной близости к жилью потенциальных потребителей, а на максимизацию прибыли и количество клиентов, поэтому они часто размещаются за городом или, наоборот, в центре города. Чтобы попасть в них, жителю Санкт-Петербурга часто приходится преодолеть значительное расстояние. Городская инфраструктура проблематизируется горожанами, рассматривающими общественный транспорт и городские улицы как препятствие для перемещения с маленьким ребенком.

«Рыночные» пространства детства выступают важным элементом культурной идентичности родителей среднего класса, ориентированных на потребление, семейный досуг. Представители этой группы также обладают достаточными экономическими ресурсами для посещения кафе, ресторанов, шопинг-центров, потребления платных медицинских и образовательных услуг. У них также есть необходимые социальные и культурные навыки для поиска информации о предлагаемых рынком услугах и осуществления компетентного выбора (Гладарев, Цинман 2009; Чернова, Шпаковская 2011). «Рыночные» пространства воплощают в себе западный идеал заботы и эстетики, о котором также говорят респондентки, и задают организационный и эстетический вектор преобразований городской инфраструктуры.

Респонденты замечают изменения в организации городской среды и признают наличие «улучшений», произошедших в последние годы. По их словам, «позитивные изменения» связаны с увеличением числа детских площадок, новым подходом к их безопасности, оформлению и эргономичности, появлением пандусов и съездов на улицах.

Тем не менее респондентами высказывается сожаление о том, что увеличение количества детских площадок не сопровождалось масштабным изменением политического отношения к проблеме реализации интересов родителей с детьми и привлечения их для участия в выработке политики по благоустройству городского пространства. Жилые дома, общественный транспорт, подземные переходы, тротуары и места для парковки автомобилей рассматриваются как неадаптированные к потребностям родителей с детьми.

Заключение

Городская инфраструктура, таким образом, становится предметом критики и преобразований со стороны родителей. При этом все описанные в статье стратегии и тактики адаптации городского пространства, а также идеалы организации городского пространства во многом являются классово специфическими, поскольку требуют наличия ресурсов временных, материальных, культурных, позволяющих делать потребительские выборы, участвовать в борьбе за детские площадки, учиться завязывать слинги, тратить деньги на проведение совместного досуга, посещать кафе, обращаться в платные медицинские и образовательные сервисы. Карьерно-ориентированные матери критически относятся к организации пространства Санкт-Петербурга, они видят в нем потенциал для увеличения своих жизненных возможностей, минимизации «издержек материнства». Для таких женщин рождение ребенка связано с резким изменением образа жизни и перерывом в карьере. Поэтому политика развития инфраструктуры дружественной семье позволила бы совмещать материнство с работой, а также с потреблением и посещением публичных пространств. Государственные меры развития городской инфраструктуры при этом во многом оставляют политику баланса и привлечения отцов к родительским обязанностям на уровне деклараций. Как уже отмечалось, рыночные пространства оказываются более «дружественными» семье и позволяют совмещать материнство и досуг или работу, однако они исключают представителей домохозяйств с низким уровнем дохода.

Литература

Ассонова Е. Новые ценности в детско-родительских отношениях // Pro&Contra. 2010. № 14 (1–2). С. 78–93.

Айвазова С. Контракт «работающей матери»: советский вариант // Гендерный калейдоскоп. Курс лекций / под ред. М. Малышевой. М.: Academia, 2001. С. 291–310.

Бороздина Е., Здравомыслова Е., Темкина А. Как распорядиться «материнским капиталом», или Граждане в семейной политике // Социологические исследования. 2012. № 7. С. 108–117.

Государственный комитет статистики. Поездки иностранных граждан в Россию и российских граждан за границу по целям // ГКС. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vnesh-t/10-12.htm (дата обращения: 22.07.2014).

Гладарев Б., Цинман Ж. Дом, школа, врачи и музеи: потребительские практики среднего класса // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности / под ред. Е. Здравомысловой, А. Роткирх, А. Темкиной. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2009. С. 189–221.

Концепция семейной политики в Санкт-Петербурге на 2012–2020 годы // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга, 2012. URL: <http://gov.spb.ru/helper/social/semejnaaya-politika-v-sankt-peterburge/koncepciya-semejnoj-politiki-v-sankt-peterburge-na-2012-2022-gody/>.

Левинсон А. О среднем классе в конце прекрасной эпохи // Вестник общественного мнения. 2008. № 6 (98). С. 53–64.

Де Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2013.

Ольденбурге Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент общества. М.: НЛЮ, 2014.

Рождественская Е.Ю. Возможности концепции баланса жизни и труда на фоне изменений биографического тайминга // Журнал исследований социальной политики. 2011. № 9 (4). С. 439–454.

Роткирх А., Темкина А. Советские генденеы контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования. 2002. 11. С. 1–31.

Левада-центр. Сколько раз Вы были за границей. 2010. URL: <http://www.levada.ru/archive/kulturnoe-potreblenie-i-otdykh/skolko-raz-vy-byli-za-granitsei-v-ot-tekh-kto-byval-n282>.

Сирс У., Сирс М. Ваш малыш от рождения до двух лет. М.: Эксмо, 2007.

Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России. Опыт эмпирического анализа. М.: Новый хронограф; Ин-т социологии РАН, 2014.

Фуко М. Пространство, знание и власть // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. С. 215–236.

ФОМ. Больше трети россиян проводят отпуск дома // ФОМ. 17.09.2012. URL: <http://fom.ru/Rabota-i-dom/10631>.

Чернова Ж. Семейная политика в Европе и России: гендерны анализ. СПб.: Норма, 2008.

Чернова Ж. «Демографический резерв»: молодая семья как объект государственной политики // Женщина в российском обществе. 2010. № 2. С. 26–38.

Чернова Ж. Баланс семьи и работы: политика и индивидуальные стратегии // Журнал исследований социальной политики. 2012а. № 10 (3). С. 295–308.

Чернова Ж. Специфика гендерных отношений молодых взрослых // Социологические исследования. 2012б. № 7. С. 118–127.

Чернова Ж., Шпаковская Л. Политэкономия современного родительства: сетевое сообщество и социальный капитал // Экономическая социология. 2011. № 12 (3). С. 85–105.

Шпаковская Л. Политика институционализации и практики приватизации семейной жизни: партнерство и брак в России // Журнал исследований социальной политики. 2012. № 10 (3). С. 309–323.

Daly M., Ranke K. *Gender and the welfare state*. Oxford: Polity Marketing, 2003.

Duncan S., Edwards R. *Lone Mothers, Paid Work and Gendered Moral Rationalities*. L.: Macmillan, 1999.

Gaithier A. *The State and the Family. A comparative analysis of family policies in industrialized countries*. Oxford: Clarendon Press, 1996.

Шпаковская Л.Л. Городская инфраструктура заботы о детях...

Ilowz E. *Consuming the romantic utopia: love and the cultural contradictions of capitalism*. Berkeley, LA: University of California Press, 1997.

Kremer M. The politics of ideals of care: Danish and Flemish child care policy compared, *Social Politics*, 2006, 13(2), pp. 261–285.

Lewis J. Families, individuals and the state, in: *Making Social Policy Work*, ed. J. Hills, J. Le Grand, D. Piachaud. Bristol: Policy Press, 2007.

Lewis J. *Work-family balance, gender and policy*. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2009.

Poole L. Germany: a conservative regime in crisis?, in: *Comparing welfare states*, ed. A. Corcorane, J. Clarke, S. Gewirtz. L.: Sage, 2001, pp. 153–194.

Markuse P. *The five paradoxes of public space, with proposals* [https://pmarcuse.wordpress.com/2013/05/12/blog-33-the-five-paradoxes-of-public-space-with-proposal/?blogsub=confirming#blog_subscription-3].

Rivkin-Fish M. Pronatalism, Gender Politics, and the Renewal of Family Support in Russia: Toward a Feminist Anthropology of “Maternity Capital”, *Slavic Review*, 2010, 69(3), pp. 701–724.

Sainsbury D. *Gender, Equality and Welfare States*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Whyte W.H. *The Social Life of Small Urban Spaces*. Ann Arbor, MI: Edwards Brothers, 2001.